

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIX — НАЧАЛА XXI В.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.12

Польская эмиграция 1830–1860-х гг. как фактор развития агентурной деятельности Третьего отделения

Иван Александрович Бабоша,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Ключевые слова: польская эмиграция, Третье отделение,
Яков Николаевич Толстой, Юлиан Балашевич, провокация,
внешняя разведка

Polish Emigration of 1830–1860s as a Factor in the Development of Third Section's Undercover Practices

Ivan A. Babosha,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Keywords: Polish emigration, Third Section, Jacob Tolstoy, Julian
Balaszewicz, entrapment, foreign intelligence

Целью работы является определить, как противодействие польской эмиграции 1830–1860-х гг. повлияло на развитие заграничной деятельности Третьего отделения и эволюцию методов его агентурной работы. В докладе подытоживаются

существующие в настоящее время достижения историографической традиции по данной тематике и приводятся два не использованных ранее фрагмента из донесений Я.Н. Толстого из фонда 109 Государственного архива Российской Федерации.

Внутриполитическая активность Третьего отделения, а также различные сферы деятельности Великой польской эмиграции получили весьма широкое освещение в историографии¹. Однако история заграничной агентуры Третьего отделения в 1830–1860-е гг., работавшей в том числе и на польском направлении, исследовалась значительно меньше. Единственным обобщающим научным трудом по этой теме является монография О.Ю. Абакумова о борьбе Третьего отделения с иностранным влиянием в России, в которой представлены очерки о заграничной деятельности тайной полиции в целом и о об отдельных агентах (Я.Н. Толстом, Г.Г. Перетце, В. Штибере, Л. Шнейдере, Ю. Балашевиче)². Остальные исследования посвящены в основном конкретным представителям заграничной агентуры. В этой связи следует упомянуть монографию П.П. Черкасова о Я.Н. Толстом и его же работу об А. Сагтынском³, а также статьи Р.М. Кантора, В.А. Дьякова и О.Ю. Абакумова об агенте-провокаторе Ю. Балашевиче⁴.

Из польских историков деятельность Я.Н. Толстого и Ю. Балашевича рассматривал Я. Кухажевский⁵. В целом же в польской историографии наибольшее значение сохраняет вступительный очерк Р. Гербера к публикации польского перевода отчетов Ю. Балашевича, в котором вкратце описывается история провокационной деятельности царских агентов среди польской эмиграции⁶.

Таким образом, на данном этапе так и не появилось работ, в которых бы комплексно изучалась деятельность Третьего отделения в отношении польской эмиграции и польского вопроса.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕЙВК) первоначально не имело особой специализации ни на внешней разведке, ни на делах

национальных окраин Российской империи. Среди полномочий этого ведомства в записке А.Х. Бенкендорфа от 14 июля 1826 г. указаны «наблюдения за общим мнением и народным духом», а также обнаружение тайных обществ, заговоров и злоупотреблений в правительственных учреждениях. По внешним делам там был отмечен только «сбор информации о положении в России и мире»⁷, а национальная специфика и вовсе не упоминалась.

Ситуация кардинально изменилась после польского восстания 1830–1831 гг., когда значительная масса его участников бежала за пределы Российской империи, чтобы продолжить борьбу против самодержавия за границей. Для наблюдения за «польскими выходцами» Третье отделение организовало собственную заграничную агентуру — об этом ярко свидетельствуют кадровые пополнения в этом ведомстве, произошедшие именно в начале 1830-х гг. К штату данного учреждения присоединились бывшие служащие варшавской канцелярии великого князя Константина Павловича, спасавшиеся в Петербурге от повстанцев, — А.А. Сагтынский, К.Ф. Швейцер и др.⁸ Эти своего рода «специалисты по польскому вопросу» с 1832 г. начали разъезжаться по европейским странам с заданием собирать материал о польской эмиграции, в то время как А.А. Сагтынский (1785–1866)⁹ встал во главе заграничной агентурной сети, управляемой из столицы.

Польский фактор не только привел к созданию заграничного направления деятельности Третьего отделения, но и в значительной мере способствовал качественной эволюции методов агентурной работы. В период правления Николая I тайная полиция опиралась на методы внешнего наблюдения. Часто ассоциируемый с царскими спецслужбами метод провокации, внедрение двойных агентов в стан врага с целью уничтожения его изнутри, вошел в инструментарий тайной полиции только к началу 1860-х гг. — времени Александра II. К этому моменту Российская империя переживала стремительный рост общественного движения и оппозиционных настроений, в Царстве Польском под влиянием в том

числе заграничной эмиграции готовилась почва для нового выступления. В условиях 1860-х гг., как отметил О.Ю. Абакумов, «необходимо было не только фиксировать конкретные случаи, но и незамедлительно пресекать, выявлять “очаги” крамолы, инициаторов беспорядков»¹⁰.

В 1861 г. в круг парижских эмигрантов был внедрен выходец из мелкой литовской шляхты — Юлиан Александер Балашевич, принявший личину польского графа Альберта Потоцкого, полковника российской армии, в реальности умершего на Кавказе в 1847 г. Необычность этого стандартного для современных спецслужб мероприятия отлично демонстрирует реакция некоторых представителей старшего, николаевского поколения агентуры. Яков Николаевич Толстой, возглавлявший парижскую резидентуру Третьего отделения с 1837 г., в письме своему начальству от 18 сентября 1861 г. так охарактеризовал деятельность своего нового подопечного:

«Казалось бы, что было бы полезнее, если бы господин Балашевич сообщался с польскими выходцами под предлогом археологических занятий как предмета ближе ему известного, и чтобы под видом ученого археолога [Балашевич увлекался коллекционированием антиквариата и в дальнейшем открыл собственную антикварную лавку. — *И.Б.*] он информировал обо всем, что делается в революционных комитетах и посреди главных заправил эмиграции. До сих пор русское правительство не вмешивалось явно в движение польских демагогов, оно становилось как бы поверх их наглых поисков; агенты также вели себя осторожно, не выступая в качестве их сообщников, чего без опасения делать не следует»¹¹.

В приведенном высказывании отражается различие в подходах старого и нового поколений агентуры Третьего отделения. Агент николаевской эпохи должен был являться не провокатором, внедряющимся в стан врага, а внешним наблюдателем, который для удобства слежения за противником занимается не имеющей прямого отношения к политике деятельностью.

Предлагая ограничиться прикрытием ученого-археолога, Я.Н. Толстой явно проводил аналогию с собственным опытом: сам он официально работал чиновником российского министерства просвещения. Максимум, который мог позволить себе агент николаевской генерации, — попытаться осторожно нейтрализовать «наглые происки врага». Яков Николаевич, например, занимался опровержением пропольских сообщений западных газет путем размещения точечных анонимных публикаций в тех французских изданиях, которые по тем или иным вопросам занимали сходную с российским самодержавием позицию. В частности, в 1846 г. он опроверг распространяемую ультракатолическими кругами информацию о преследованиях униатских монахинь базилианского ордена со стороны российского правительства. Для этого агент вступил в сотрудничество с протестантской газетой *Sémeur*, занимающейся борьбой против нетерпимости в отношении протестантов во Франции и явно не заинтересованную в усилении радикальных католиков¹².

При этом руководство Третьего отделения того времени было против превращения подобного рода деятельности в полноценную пропагандистскую кампанию типа «газетных войн». В этой связи примечателен еще один случай из агентурной практики Я.Н. Толстого. В январском донесении 1843 г. он писал А.Х. Бенкендорфу, что польский граф Винцентий Яблоновский (представитель пророссийского меньшинства эмиграции, готового пойти на примирение с самодержавием¹³) предложил ему основать журнал панславистской направленности, который будет заниматься «обсуждением интересов славян». Яков Николаевич посчитал проект «утопией, созданной пылким воображением поляков»¹⁴. Приведенный пример отлично демонстрирует пассивно-оборонительный подход николаевского Третьего отделения, с настроенностью относящегося к различного рода авантюрам.

В свою очередь, деятельность Ю. Балашевича, представителя новой генерации агентов Третьего отделения, явила собой переход к более активным, наступательным методам. Для успешной инфильтрации в ряды эмиграции он предста-

вил свое *alter ego*, графа Потоцкого, в качестве главы выдуманной повстанческой организации, чтобы получить рекомендацию у генерала Ю. Дембиньского — героя восстания 1830–1831 гг.¹⁵ Балашевич регулярно пытался срабатывать между собой деятелей эмиграции и их союзников. В частности, он убеждал М.А. Бакунина в неблагонадежности Л. Мерославского — одного из лидеров демократического крыла эмиграции¹⁶. Самозванному графу благодаря сложной интриге удалось добиться временного ареста парижской полицией трех влиятельных членов варшавского Центрального народного комитета (руководящий центр «красных» во время польского восстания 1863–1864 гг.)¹⁷.

Таким образом, польская эмиграция стала важным испытательным полигоном для организации заграничной агентуры Третьего отделения и внедрения методов провокации в практику российских спецслужб.

Примечания

- ¹ По Великой эмиграции см., например: *Kalembka S. Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862*. Toruń, 1971; *Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwagunkowania, podstawowe koncepcje*. Toruń, 1996; *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М., 2017. По Третьему отделению в целом см., например: *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982; *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019.
- ² *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб иностранная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.
- ³ *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008; *Он же.* Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // *Родина*. 2007. № 9. С. 56–62.
- ⁴ *Кантор Р.М.* П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград, 1922. С. 486–511; *Дьяков В.А.* Глазами царского агента // *Прометей*. М., 1969. Т. 7. С. 327–340. *Абакумов О.Ю.* У истоков заграничной политической провокации // *Вопросы истории*. 2002. № 5. С. 127–138.
- ⁵ *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. М., 2018. Т. 3: Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель. Ч. 2: Третье отделение.
- ⁶ *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / *Raporty szpiega*. Warszawa, 1973. Т. 1. С. 5–78.

- ⁷ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 130.
- ⁸ Черкасов П.П. Русский агент во Франции: Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). С. 174.
- ⁹ Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- ¹⁰ Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»... С. 209.
- ¹¹ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 283.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4а. Д. 197. Л. 1–4.
- ¹³ Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji... S. 197–201.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4а. Д. 195. Л. 18.
- ¹⁵ Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / Raporty szpiega. T. 1. S. 26.
- ¹⁶ Ibid. S. 85–86.
- ¹⁷ Ibid. S. 369–370.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.13

Международная борьба вокруг проектов «Балканского Локарно» во второй половине 1920-х гг.*

Денис Валерьевич Родин,

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация; e-mail: enigma9307@mail.ru

Ключевые слова: Локарнская конференция, Балканы, Балканское Локарно, Балканский пакт, Версальская система

International Struggle over the Projects of the “Balkan Locarno” in the Second Half of the 1920s

Denis V. Rodin,

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation; e-mail: enigma9307@mail.ru

Keywords: Locarno conference, Balkans, Balkan Locarno, Balkan pact, Versailles system

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.